

Содержание

Вместо вступления: и зайцы пишут	7	Историко-литературные эпизоды под микроскопом	41
О себе и о книгах прочитанных и переведенных		Переводы исторических книг: «Короли-чудотворцы», «Время банкетов», «Оскорбленный взор»	43
Об отце и о том, как он начал собирать библиотеку	10	Как кошка смотрела на королей	
Откуда брались книги: Книжная экспедиция и книжный обмен	12	Кошка и шапка	48
О словаре Ларусса	14	Здороваться надо!	50
Терапевтическое воздействие романа «Москва — Петушки»	17	Как она руками-то махала!	51
Манн и Бахтин: два первых сильных впечатления от литературоведческих книг	19	Саша, не увлекайся!	53
Семинар Турбина и знакомство с Бахтиным	20	Топоров читает Балланша	54
Школа, аспирантура, Шатобриан, Профком литераторов	22	Галантный Бонди	55
Первый перевод: «Пена дней» Бориса Виана	25	Знаете, зачем вам эта медаль?	55
«Эстетика раннего французского романтизма» и труп марксистско-ленинского эстетика	26	Угадайте, сколько мне лет?	57
«Роман» с Бальзаком	29	Какие у вас духи?	57
«Эпопея» с Кюстином: павловская денежная реформа, четыре русских издания и одно французское	30	Вадим Еразмович и Максим Бальзакович	58
Визит к фабриканту шампанского	33	О словах и словечках	
Идите обязательно!	34	«Из бабушки»	60
Книги о парижской повседневности: Мартен-Фюжье, Дельфина де Жирарден, Гримо де Ла Реньер, «Сцены частной и общественной жизни животных»	35	Лохадейди	62
Книги о Париже	37	Запорожье и запорожский язык	64
Переводческий семинар и «Парижанки»	39	На пляже в Запорожской Сечи	65
		Запорожский нейминг	67
		Мазурка по Кьеркегору	67
		Это платье просвещает?	69
		Пресловутые краны!	70
		Пол-лимона	71
		Вареная вода	71
		Муркины котят и ленинские соратники	71
		Национальный вопрос	72
		Стою со значением	72

...на журнале «Советский воин»	72	Увидеть зайца	101
Военное дело	73	Покройте голову	102
Передарить или недокупить?	73	Два рукава пара	103
Переводческий оптимизм	74	Легкое поведение в метро	104
Цели и задачи	75	Крестик в трусах	104
Крупный советский критик	75	Французская фигура	105
Идентичность в каждый дом	76	Вы ничего не заметили?	105
Так проходит мирская слава	77	Таланты и поклонники	106
Два сурка	77	О пользе покупки книг	107
Подорваться на салате	78		
Большевики вас обманывали	78		
		Французы в России	
Люди и книги		От Мопассана до «Лысой певички»	108
Еще о защите моей диссертации	79	Madame Tatichtchev	110
Англичанин Билл	81	Владения в Африке	111
Вослед Ретифу де Ла Бретону	82	Il est stalinien?	111
Подбавить русофобии	84	Интервью с Байкалом	112
Очень прочесть хочется	85	Чай с васьилками	113
По разные стороны баррикады	85	«...как она упала»	114
Еще о разных сторонах баррикады	86	Monsieur Milchina	116
И еще о редакторах	87	Маленькая фиолетовая ленточка	116
Юрий Оттович и Альфред Людвигович	87	Французенка из Малаховки	118
Шефтсбери на пляже	88		
А она когда умерла?	89	В Медоне у иезуитов	
Подкидной дурак над Сенной и Уазой	90	Огород дофина	120
Грибоедов без китайцев и Пушкин с Аракчеевым	91	...садился и работал	123
Если бы ты не спросил...	94	Ни в коем случае не смешивать!	124
Историческая халява	94	Цветы на шляпе	125
Благородная халява	96	У вас модные туфли	127
Немного мистики	98		
		За границей	
Уликовая парадигма		Архивное	130
Семечки	101	Champignonnière	131
Разумный оптимизм	101	Лаковый креатив	131
Уши заросли	101	Вот с таким носом!	133
		В Италию с краснухой	135
		Вместо заключения: и сама себя почти убедила	140

Вместо вступления: и зайцы пишут

Я не собиралась писать мемуары, хотя, как у каждого человека, у меня накопилось энное количество тех сюжетов, которые Ахматова называла пластинками. Вдобавок некоторый «оперативный» мемуаризм, видимо, заложен в моей природе. Покойный Евгений Владимирович Пермяков, историк литературы, издатель и человек тонкого остроумия, однажды очень справедливо заметил: «Вера всегда должна в рассказе отступить назад». В самом деле, я никогда не могу коротко ответить на вопрос: что вы сейчас переводите/пишете? Всегда выходит так, что я отступаю назад и рассказываю предысторию.

До сих пор мне всегда казалось, что возраст для воспоминаний еще не наступил; но он ведь может и вовсе не наступить. А граница сейчас очень понизилась: люди пишут воспоминания и в 50 лет, и даже в 25. Тут мне сразу приходит на ум писатель Евгений Гребёнка, которого я процитировала во вступительной статье к переводу книги «Сцены частной и общественной жизни животных». Многие помнят, что он автор слов знаменитого романса «Очи черные», но мало кто, должно быть, знает, что он напечатал в 1840 году повесть «Путевые записки зайца», в начале которой дедушка повествователя, знающий все языки, включая звериные, говорит, что знаком с историей зайца, потому что читал его записки. Внук удивляется: «Где же вы читали? разве зайцы пишут?» А дедушка отвечает: «Пишут; теперь все животные грамотны, и лесные, и полевые, и водяные: все пишут; даже насекомые имеют свою грамоту и своих писателей». И я, стало быть, тоже подалась в ряды этих зайцев, которые пишут.

Но этого, скорее всего, не произошло бы, если бы портал Gorky.media не попросил меня рассказать о моей «читательской и научной биографии» (спасибо главному редактору

Дмитрию Иванову и приславшему мне вопросы Юрию Куликову). Рассказ опубликовали, и после этого разные добрые люди, не сговариваясь, принялись утверждать, что мне надо писать воспоминания. И в результате я им поверила.

Разумеется, я не буду писать «классические» мемуары, которые начнутся с чего-то вроде: «Я родилась 7 сентября 1953 года в роддоме на Маломосковской улице». Во-первых, сам этот факт мало кому интересен (кроме разве что «земляков», которые, например, родились в том же роддоме). А во-вторых, память моя устроена так, что воспоминания состоят из отдельных картинок, а выстроить их в сюжетную последовательность удается далеко не всегда. Подозреваю, впрочем, что я не одна такая, просто люди, которые пишут «настоящие» мемуары, прослаивают свои картинки отчасти придуманными сюжетными связками, а потом сами начинают верить, что все так и было.

Ну вот, а я ограничусь картинками. Картинки, конечно, все из моей жизни, но настоящий их герой все-таки не я, а язык и языковая игра. Большая и лучшая часть рассказанных здесь историй посвящена словам — произнесенным, услышанным, напечатанным и по преимуществу не совсем серьезным. Поэтому я даже придумала для этих историй специальное название — «мемуаразмы» (альтернативный вариант был — «маразмуары», но я решила, что не нужно так явно подсказывать оценку потенциальным критикам).

А чтобы все-таки начать с рождения и даже чуть раньше, вот две картинки, которые, впрочем, не мои воспоминания, а рассказы моей мамы. Она работала корректором в издательстве «Иностранная литература» (которое тогда еще не разделилось на «Мир» и «Прогресс»); корректором — потому что несмотря на красный диплом редактора, с которым она окончила Полиграфический институт, на редакторскую работу ни ее, ни моего папу никуда не брали из-за пресловутого «пятого пункта» — еврейской национальности. И вот в марте 1953 года, уже беременная, мама — «как все» — собралась

сходить посмотреть, как хоронят Сталина; но сослуживицы не пустили, за что им большое спасибо, потому что в противном случае, боюсь, писать эти мемуаразмы было бы некому. Не меньше спасибо этим сослуживицам за то, что на более поздних стадиях беременности они повесили напротив маминого рабочего стола большой плакат, на котором было, по рассказам мамы, изображено круглощекое румяное дитя, а под ним надпись «Расти, богатырь!». Когда я в студенческие годы пыталась сбросить лишний богатырский вес, я этих сослуживиц поминала не очень добрым словом, а теперь глубоко раскаиваюсь: подозреваю, что мое в общем неплохое здоровье — это как раз плод разглядывания мамой того румяного богатыря.

Я анонсировала бессюжетные картинки, но чтобы кое-какой сюжет обозначить, повторю с дополнениями тот рассказ о своей читательской, переводческой и авторской биографии, с которого все началось, а потом продолжу его другими мемуарными зарисовками.

О себе и о книгах прочитанных и переведенных

Об отце и о том, как он начал собирать библиотеку

Разговор о чтении и книгах в моей жизни нужно, конечно, начинать с моего папы, Аркадия Эммануиловича Мильчина (1924–2014). Потому что я выросла в доме, где было очень много книг. Однажды уже в 1990-е годы некий мастер, пришедший к нам чинить какую-то сантехнику, был так поражен их обилием, что сказал: «Ну, если вам еще что-то понадобится, вы звоните, скажите: это из библиотеки!» Но когда в 1944 году мой папа приехал в Москву поступать в Полиграфический институт, у него не было не только книг, но и жилья, жил он у родственников, а на занятия ходил в дядиной шинели. И вот тогда он начал собирать библиотеку (он описал это в своих воспоминаниях, которые вышли в 2016 году в издательстве «Новое литературное обозрение» под названием «Человек книги. Записки главного редактора»). Началась библиотека с огромных и толстенных, альбомного формата изданий избранных сочинений классиков в одном томе. У нас они до сих пор сохранились: Стендаль в одном томе, Байрон в одном томе, А. Н. Островский в одном томе и т. д. У Александра Константиновича Жолковского есть «карпалистическая виньетка» о том, как правильно держать книгу, читая лежа (<https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/zv122>). Так вот, боюсь, что с этими томами даже Жолковский бы не совладал.

Сначала книги покупал папа, потом, когда я выросла и поступила на филфак МГУ, стала их покупать и я, и библиотека продолжала разрастаться. Сколько у нас книг, я никогда точно

не знала. Вот сейчас попыталась посчитать — получилось тысяч двенадцать, но думаю, что на самом деле больше. И сколько из них куплено уже лично мной, тоже не очень понимаю, думаю, что треть, а то и половина. Но это библиотека не библиофильская, а рабочая: художественная литература, литературоведческие, исторические книги, и еще папины книги по редактированию и книговедению, которые после его смерти стоят, увы, невостребованными. Еще книги на французском языке. И еще немало новейших книг — и художественных, и исторических, — которые издатели присылали на рецензию моему сыну, книжному обозревателю Константину Мильчину, до того как переключились на присылку файлов в формате PDF; не все эти новейшие книги одинаково хороши и необходимы, но в доме оседают.

И в этой нашей библиотеке, страшно сказать, 45 книг — мои собственные. То есть моих авторских — 7, а остальные — переводы. У меня, кстати, свободной полки такой длины, чтобы поставить их все подряд, нет. А вот друзья, которым я эти свои книги исправно дарю, говорят, что у них такие полки, где стоят только мои книги, имеются (то есть чужое жизненное пространство я загромодила).

Для примерно половины нашей библиотеки папа составил каталог и на каждой карточке обозначил, в каком шкафу книга стоит. Очень полезно, и когда я, проклиная себя, ищу какую-то книгу, которую купила в послекаталожную эпоху, то страшно жалею, что на эти книги у папы уже не хватило сил. Между прочим, это его каталожное предприятие отразилось в его трудах по теории и практике редактирования: в примерах я с радостью узнаю книги с наших полок. Прежде чем описать книгу на карточке, папа ее листал и — в большинстве случаев — замечал, что именно в ней сделано неправильно с точки зрения читательского удобства (об этом — его последняя книга «Как надо и как не надо делать книги: культура издания в примерах», вышедшая в «Новом литературном обозрении» в 2012 году).